

Предисловие переводчика

Прежде чем вы узнаете об удивительных событиях, случившихся в Полночной школе, вам нужно еще узнать... скажем так, правила игры, созданной автором. Они простые:

1. Хотя учатся здесь фантастические существа, дело происходит в современной реальной Франции, а потому все имена, фамилии и названия произносятся с ударением на последний слог. (Притом Колен не имеет никакого отношения к колену, а Люка — к люку!)

2. Хотя дело происходит в современной Франции, она все-таки немного отличается от реальной: здесь сосуществуют два мира, Полдень и Полночь, но, согласитесь, я же не могу называть их обитателей *ночниками* и *дневниками*! Пришлось придумать особые слова: *полночники* (наши «полуночники» тоже не годятся!) и *полдневники*. Так что это не ошибки, а такой прием перевода.

3. Автор очень вольно обращается с теми стандартными представлениями о поведении и способностях фантастических существ, которые могли вам встретиться в книгах или фильмах; не удивляйтесь: таковы условия этого мира!

Глава 1

Ненавижу опаздывать.

Но сейчас я согласился бы пережить двенадцать панических атак, лишь бы только суметь повернуть время вспять и не устраивать скандал всему семейству, ради того чтобы выехать как можно раньше.

Потому как мы прибыли на место уже сорок пять минут назад. Сорок пять минут я слушаю, как мои родители препираются в машине, опасаясь даже глубоко дышать, чтобы не дать повода к новому нападению.

А все потому, что опоздания у меня вызывают стресс. Вот идиот!

Ладно, если по-честному, я в этой истории не совсем белый и пушистый. Атмосфера в машине плотная, хоть ножом режь, но это концентрат всего, что случилось у нас дома за последние две недели.

Я было вздохнул, но спохватился, сообразив, чем рискую. Однако все идет хорошо: отец и мать перебрасываются убийственными взглядами через зеркало заднего вида. Он — на водительском сиденье: волосы темные, редкие, глаза карие и кожа цвета белого песка. Она — на заднем сиденье, рядом со мной: косы ниже пояса, фиалковые глаза и кожа цвета темной яшмы.

День и ночь.

Почти буквально, по сути. Моя мать — вампир из мира Полночи, того самого, откуда являются чудовища, насе- ляющие ваши легенды и детские кошмары. А мой отец — просто человек из мира Полдня, вашего, значит, мира с его дурацким солнцем и дурацким отсутствием магии.

— Ты нас слушаешь, Симеон?

Я сажусь поудобнее на своем месте.

— Да-да, конечно, мамочка...

— Не знаю, что с тобой творится в последнее время, — ворчливо заявляет она. — Но я ожидаю от тебя безупречного поведения в школе, ясно?

Я трясую головой.

— В Академии не шутят, там тщательно изучают досье абитуриентов. И я не потерплю никаких новых выходов, ты меня хорошо понимаешь?

Тут я съезживаюсь.

— Он еще ребенок, — вздыхает отец, — может, тебе лучше...

— Что «лучше»?! — прерывает его мать. — Позволить ему испортить свое будущее из-за глупостей? Пусть и даль- ше верит, что мы всегда будем рядом, чтобы исправить их последствия? Ему не костыль нужен, а дисциплина. Он не такой, как его сестра, ему будет труднее.

Огромным усилием воли мне удастся сохранить стоиче- ское спокойствие. Если я выкажу хоть малейшую слабость, мать заведется по новой. А этого мне сейчас не хочется, ведь я уже так близок к цели.

Направляю взгляд наружу и посматриваю в сторону Полночной школы: вот она, по ту сторону улицы. Выглядит, не стану врать, преотвратно. Но после двух недель кошмара мне кажется, что она окружена ореолом божественного света и ласково нашептывает мне: «Свобо-о-ода!»

Отец рассказывал, что до превращения в школу это здание было монастырем. Понятно, почему оно на первый взгляд

выглядит так сурово и зачем его покрыли горшками с геранью до самых слуховых окошек: наивно надеялись придать ему праздничный вид. Получился, что называется, обратный эффект: теперь похоже, будто дом страдает от тяжелого приступа угревой сыпи. Правда, мне это скорее нравится, типа, мы с ним станем товарищами по несчастью.

— Если ты хочешь занять высокое положение в обществе, — твердит в тысячный раз мать, возвращая меня на грешную землю, — нужно метить в Академию. А чтобы туда попасть, Симеон, ты должен стать безукоризненным во всех отношениях. Значит, трудись и веди себя потише.

Она словно отчеканивает эти слова, ударяя кулаком по бедру.

Мне хочется ответить ей: «Не беспокойся, мамочка, я буду таким тихоней, что дам фору даже дядюшке, который спит в крипте». Но я воздерживаюсь от демонстрации своего остроумия, потому как чувства юмора у моей матери не больше, чем в ножке стула. Пытаюсь ее подбодрить:

— Я знаю, мамочка. Мое досье будет идеальным. Даже блистательным.

Брови матери сходятся к переносице: она улавливает оттенок нарочитого сожаления в моем голосе.

— На мой взгляд, для идиота, который ухитрился подставиться под солнце без вуали примерно пятнадцать дней назад, ты слишком нахален.

Я начинаю злиться. Черт возьми, до чего она остра на язык, настоящая акробатка от критики, прямо на уровне «Цирка дю Солей»¹. Я должен противостоять ее следующему кульбиту, если не хочу потерять жалкие остатки самоува-

¹ «Цирк дю Солей» (фр. *Cirque du Soleil* — «цирк солнца») — работает с 1984 года, базируется в Монреале (Канада), но его артисты разъезжают по всему миру, не раз бывали и в России. Славится яркими, необычными представлениями. (Здесь и далее примечания переводчика.)

жения, а потому убираю морщинку со лба и подтягиваю опущенные уголки губ. Ни за что нельзя выказать хоть малейшую эмоцию. Мать пристально смотрит на меня, но, поняв, что реакции не дожидается, выкладывает следующую порцию ценных указаний. Теперь в программе один из ее любимых пунктов: какие сангинады² мне можно или нельзя употреблять, согласно ее личным наблюдениям.

— Осторожнее с говяжьей сангинадой, — напирает она, помахивая указательным пальцем. — Ты знаешь, что она у тебя плохо усваивается.

Я обмениваюсь через зеркало смущенным взглядом с отцом, и он одаряет меня одной из тех своих вечно немного грустных улыбок, от которых у меня душа переворачивается. Я знаю, что такой сын для него — сплошное разочарование. Нужно заметить, что мы с ним не слишком близки. Дело в том, что солнечный свет для меня смертельно опасен, и из-за этого мы мало чем можем заниматься вместе.

Думаю, его огорчает то, что сын так не похож на него. Зато моя старшая сестра (о, восхитительная, уникальная, сказочная Сюзель!) являет собой воплощение священного согласия между двумя мирами.

От матери со стороны Полночи она унаследовала дивную красоту, втяжные клыки и сногшибательную силу. А благодаря отцу она может гулять под солнцем, есть полдневную пищу и вести нормальную жизнь среди людей.

А как же я? Мне достались все худшие свойства, как будто на генетической лотерее двух миров мне всучили проигрышный билет. Не верите? Погодите, сейчас выдам вам весь список, и вы уясните размеры моего несчастья.

От матери у меня вот что:

— аллергия на солнечный свет;

² Сангинада (фр. sang — «кровь») — выдуманное автором блюдо вампирской кухни: жидкие смеси из крови различных животных и рыб с добавлением пряностей!

— пищеварительная система, которая не принимает ничего, кроме крови, крови и еще раз крови;

— вспыльчивый характер (вскипаю, как молоко), который, говорят, позже доставит мне неприятности.

А со стороны моего родителя — ничуть не лучше. Итак, чем он меня одарил:

— отчетливо заметная тучность, точнее, моя задница похожа на булку, а на бедрах после нажима остаются красные пятна;

— акне, то бишь угри, ведь юность была бы совсем тусклой без непрощенных гостей, которые фестивалют прямо у тебя на лице;

— близорукость, примерно как у крота.

Я знаю, что являюсь самым «гламурным» образчиком гибрида человека и вампира.

Все это мать, разумеется, держит под контролем и из кожи вон лезет, желая исправить посредством ограничений и приказов, которые я напрочь не соблюдаю. Это, пожалуй, единственный наш с отцом общий секрет: он наловчился доставлять контрабандой мои любимые сангинады, стараясь всегда добывать самые вкусные.

— Я буду использовать только легкие сорта сангинад, — обещаю я матери.

Она перебирает бусины и пощелкивает браслетом на своем запястье. На ее плече урчит Улисс — блуждающий огонек такого же сурового нрава, как и она. Ничего удивительного: эти огоньки, они же элементали³, отражают характер ночных существ, их создающих. Он проводит время, изучающе

³ Элементаль — мифическое существо (дух), соответствующее одной из четырех стихий: воздуха, земли, огня, воды. Например, элементалими земли средневековые алхимики считали гномов, элементалими воды — русалок. В книгах и фильмах фэнтези могут выглядеть как угодно. Маги, знающие правильные заклинания, умеют «сотворять» или «вызывать» элементалей из их стихии.

меня разглядывая с самодовольным видом большого кота. Избавиться от него так же просто, как отрубить и подать семейству на обед жареной собственной руку; иначе я бы уже давно утопил его в ванне. Но полночники не трогают чужих огоньков. Никогда. Ни под каким предлогом.

Правда, с тех пор как Сюзель вернулась из Полночной школы со своим элементом, Улисс оставил меня в покое, сосредоточив свою неприязнь на новоприбывшей. Однако в машине ему некого терзать, кроме меня. Вот почему его горящие гневом глазки сыплют искрами в данный момент.

А чего еще было ожидать?

Все свои пятнадцать лет я мог общаться с людьми не иначе как при посредстве сестры. Я вписывался на вечеринки, когда Сюзель приглашала своих друзей. Возвращаясь из коллежа, она, когда удавалось улучить минутку, рассказывала мне о своих приключениях в мире дневного света.

Но все это было раньше. До того как эта предательница всадила мне нож в спину. По-вашему, слишком сильно сказано? Решайте сами.

Отъезд Сюзель в Полночную школу стал для меня шоком. Ведь это интернат с обязательным проживанием, и, когда я остался один, мой мир сузился: родной дом, близлежащие ландшафты да учеба на дому. Гулять в одиночку по лугам, прячась под паутиной вуалью, которая защищает меня от убийственных лучей солнца, мне казалось нелепым. А еще, между нами будь сказано, общение с Сюзель давало мне важное преимущество: компания не сводила взглядов с нее, а маленького толстячка в прикиде пчеловода рядом с нею не замечала в упор.

Без нее я из невидимого превратился в чересчур доступного взору, и эту перемену я, прямо скажем, не оценил (перевожу: это отвратно).

Потом она приехала на летние каникулы, и казалось, будто вместе с нею в наш дом вошло солнце.

И потом — такая вот серьезная «ерундовина»: за пару недель до возвращения в школу она без колебания предала меня, аккурат вечером в мой день рождения.

Короче говоря, она меня бросила ради своих приятелей. Я решил пробраться следом за ними туда, где они устраивают свои тайные рейв-вечеринки. И вот я попал в западню: не заметил, что уже забрезжила заря, и оказался под открытым небом, без вуали и хоть какого-то укрытия от солнца, кроме скудного кустарника и деревьев с облетевшей листвой. Сестра, обнаружив меня, вызвала мать, чтобы та пришла за мной. Натуральное смертоубийство!

В итоге мне запретили гулять до начала учебного года, паутинную вуаль отобрали. В течение двух недель я страдал дома, заключенный за тонированными стеклами наших окон, пялился в телик и читал, находясь под двойным гнетом недовольства матери и ее огонька.

А Сюзель как ни в чем не бывало занималась своими мелкими делишками. Хуже того, мать ее прямо похвалила за то, что она так быстро отреагировала. За участие в разгульной вечеринке — ноль последствий. В который раз все привилегии достались Сюзель.

А она даже не подумала извиниться, зараза!

Пока я предаюсь мрачным мыслям, мать пользуется этим, чтобы усилить накал своих нотаций до крещендо. Покончив с темой излишнего веса, из-за которого обязательно пострадает в будущем моя по преимуществу фантастическая карьера, она пускает в дело угрозы насчет ЗППП⁴ и опасности близких контактов без презервативов. Я не осмеливаюсь ни покраснеть, ни отвернуться: если выкажу малейший признак слабости, она вцепится еще пуще. Моя мать ведь все-таки хищница. Она чует слабые места жертвы.

И вообще, если честно, с чего бы ей так беспокоиться? Школой управляют крутые полночники, могущественные

⁴ ЗППП — заболевания, передающиеся половым путем.

и так далее. Метис вампир-человек с тридцатью процентами жира в организме? Маловероятно, что кого-то это особенно смутит.

— Дорогая, — замечает отец, — нам уже скоро идти. Не пора ли ему отдать?..

Я настораживаюсь.

Мать бросает на меня взгляд, который мог бы сам по себе уладить проблему глобального потепления, но мне все равно: с момента, когда мы сели в машину, я ждал только этой минуты.

Я заметил еще утром, перед отъездом, как мать засунула коробку, оклеенную зеленой кожей, под водительское сиденье. И отлично разглядел рисунок на крышке — два перекрещенных полумесяца.

Там лежит моя вуаль из вдовьей паутины.

— Не заставляй меня пожалеть об этом, — буркнула мать, положив коробку на колени.

Когда она открыла крышку, я чуть ли не затрясся от нетерпеливого желания скорее прикоснуться снова к этому чуду, благодаря которому я могу жить в мире Полдня. Ночная вдова — крайне редкая разновидность пауков, смертельно опасная во многих отношениях. Собирать шелковое волокно их производства — значит очень сильно рисковать. Я хорошо знаю, что суммы, уплаченной за вуаль, которую сейчас протягивает мне мать, хватило бы, чтобы купить всю школу, куда я поступаю. Но для меня драгоценна не ее стоимость, а свобода, которую она мне подарит. С вуалью я смогу снова вести почти нормальную жизнь.

На самом деле, я боялся, что мать решит не отдавать ее. Я знаю, что не у всех вампиров в Полночной школе есть вуаль, и они проводят школьные годы, прижимаясь к стенам коридоров, пробираясь в темноте по переходам без окон и страшая погибнуть, обуглиться при каждом повороте или от случайного толчка в тесноте.

Когда пальцы мои коснулись драгоценного содержимого коробки, возникло, как всегда, удивительное ощущение,

как будто я держу лоскут облачной ткани, сквозь которую, не утихая, веет свежий ветерок. Ткань эта считается неуничтожимо прочной, но она же несравненно тонка и воздушна.

Я водружаю на свою черепушку шляпу с широкими полями, с которой свешивается вуаль, и готовлюсь выйти из машины, но тут отец поворачивается, опираясь локтем на подголовник. Он считает своим долгом напомнить:

— Сюзель приедет завтра. Если у тебя будут проблемы, пойдешь к ней, окей?

Я заверяю его, что, конечно же, обращусь к обожаемой сестрице.

Но в глубине души я знаю, что об этом и речи быть не может. Скорее умру, нежели о чем-нибудь попрошу эту предательницу.

Глава 2

Несколько месяцев я мечтал о первом дне в школе, а вышло все как-то тускло.

Уже добрых пять минут, как родители уехали, а я, чувствуя себя одиноким пухлым пончиком на тарелке, все торчал столбом на ступенях крыльца.

Площадка перед школой кишит народом. Толпа учеников растянулась до края тротуара, и хотя бы прикинуть, сколько их тут, мне не удастся. Притом ведь предполагается, что сегодня прибывают только ученики первого года обучения. Интересно, они тут соблюдают нормы противопожарной безопасности при такой-то концентрации учащихся на метр квадратный?!

Входя в гущу толпы, я близок к тому, чтобы сесть на свой чемодан и удрать на манер Марио Карта⁵. И все эти существа хлопают друг друга по спинам, и все орут. Не знаю, как это возможно, но кое-кто уже сбился в группы, и мне кажется, что я упустил свой единственный шанс быстро войти в коллектив. Неужели это оттого, что матери вздумалось

⁵ Марио Карт — серия компьютерных игр в жанре гонок, очень популярных и, вероятно, вам известных. Нашему Симеону нелегко было подражать ловким гонщикам.

напомнить мне об излишнем весе и о ЗППП? Сколько же лет мне придется платить психотерапевту, чтобы избавиться от этой травмы?

Кто-то вдруг хрипло хохотнул слева от меня, я пошатнулся от толчка какого-то детины и чуть не уронил очки. Удалось ухватить их в последний момент, прямо пальцами за стекло. Супер...

— Черт, извини! — говорит парень, похлопывая меня по плечу. — Я тебя не заме...

Его улыбка исчезает. Точнее опрокидывается. Типа поворота на 180°, странно так: углы рта опускаются ниже подбородка. К тому же мускулы его внезапно вздуваются, и я делаю вывод, что недовольство его направлено куда-то на уровень моей глотки. Я пытаюсь его успокоить.

— Ничего страшного, они не разбились. Я пойду...

Никуда я не пошел. Парень хватает меня за шиворот и поднимает, словно пучок соломы. Бычок. У него во взгляде явно что-то бычье.

— Креон! — окликает его стоящая рядом девочка. — Оставь его!

— Он вампир, — выдыхает бычок.

Я изо всех сил стараюсь не замечать его дыхания, от которого меня мутит, и искоса высматриваю нашивку на его куртке. Сделать это сквозь отпечатки моих пальцев на стеклах очков нелегко, но я достигаю успеха.

Он — минотавр.

Креон трясет меня, как грушу, и препирается с девочкой, а я, внезапно превратившись в тряпичную куклу, пользуюсь заминкой, чтобы выкопать в памяти все, что мать рассказывала о минотаврах: силачи, но не слишком хитры. Способность ориентироваться чуть лучше плачевной.

Супер. Итак, чтобы он не выбил мне зубы, я могу только сыграть с ним в прятки? Нечего и говорить, что это исключено.

— Это из-за него моего папика украли!

Я дергаюсь: о чем это он?

— Не глупи, ему всего тринадцать лет!

— Пятнадцать! — счел я нужным вмешаться.

Девочка поглядела на меня как на последнего идиота. У нее крючковатый нос, касающийся подбородка, а руки такие длинные, что пальцы щекочут колени. Это гарпия.

Отлично. Мне лучше заткнуться и не умничать.

— Мы видели гробницу, — настаивает Креон. — Она была вскрыта.

— Ну и что? Вампиры не грабят могил.

— Ага! Но они отказались поместить папика в своих пещерах!

Ой-ой...

Вампиры любят денежки, это, пожалуй, единственное стереотипное представление о них, не лишенное оснований. Нужно также упомянуть, что из всех погребальных жилищ в мире Полночи только вампирские крипты нельзя взломать. А за мраморный саркофаг нужно заплатить целое состояние.

— Поверь, я не знаю, о чем ты говоришь! — кричу я Креону. — Я родился здесь, на стороне Полдня!

Креон уставился на меня. Беда в том, что я не вижу в его глазах ни проблеска разума, ни искры понимания. Наскоро рассчитываю угол атаки. Допустим, я смогу напрячь брюшной пресс, хотя это непросто, и раскатать вытянутую ногу, тогда может получиться.

— По-моему, вам следовало бы разузнать подробнее о вашем могильщике, — вдруг произносит голос, полный уверенности.

Я кое-как изворачиваюсь, чтобы поглядеть вниз.

У этого и нашивку смотреть не нужно: и так ясно, что он лич.

Голова его вся исчерчена швами. Один глаз голубой, другой черный; рот сдвинут, на черепе красоты ради имплантировано несколько волосков. В той части, где мое тело

напоминает тыкву, у него что-то вроде гигантской ватной палочки. Что касается кожи — глаза б мои ее не видели. Коричневые, черные, белые и более-менее красные лоскуты образуют органичный узор, нечеткий и аляповатый. Лич однозначно уродлив. Но кто я такой, чтобы судить, с моим-то выдающимся вроде полуострова и снедаемым угрями шнобелем?

— Не сбивай его с толку, Жоэль, — вздыхает девочка, которая пыталась меня спасти.

— Но я не шучу, — уверяет ее Жоэль. — Если тело исчезло, в этом неповинны ни личи, ни буки, ни вампиры. Когда есть нужда в отдельных частях, не заморачиваются с тем, чтобы утаскивать труп целиком, ты же знаешь.

Девочка состроила гримаску. Я скривился. Минотавр скривился. Но его рука плавно опустилась.

Вскоре кончики моих ног коснулись земли, и я очень постарался сохранить подобие достоинства и не ушибиться.

— Ты думаешь? — спрашивает Креон.

— Уверен, — заявляет Жоэль. — Можешь спросить у Самии, она знает, что я не вру.

Гарпия Самия обращает свой клювоподобный нос к личу и убивает его взглядом.

— Угу, он предпочитает подливать масло в огонь, а не тушить пожары.

Креон решает поставить меня на землю. Как истый джентльмен, он отряхивает пыль с моего воротника.

— Извини, — вздыхает он. — Мои родители недолюбливают вампиров.

— Это вполне объяснимо, — бормочу я, благоразумно удаляясь.

Не успеваю я отступить и на пару шагов, как чья-то рука тычется в мой затылок. Жоэль-лич, по-видимому, желает еще пообщаться.

— Хочешь, чтобы я спасибо сказал? — бросаю я, пытаясь высвободиться.

— Лучше скажи, ты и впрямь родился здесь? — спрашивает он без предисловий.

— Ага. Так и есть.

— Держись от него подальше, — кричит Самия мне вслед, пока Жоэль тащит меня в сторону. — Он грязный тип!

— Не лезь не в свои дела, Самия! А ты скажи, Сюзель часом не твоя сестра?

Мне становится холодно. Дернув плечом, я избавляюсь от его фальшиво-дружеского жеста и окидываю его взглядом со всем доступным мне презрением:

— Если ты член ее фан-клуба, не трудись лизать мне сапоги. Мы с нею не дружны.

Это неправда. Мы были очень даже дружны, пока она не всадила мне нож в спину.

Жоэль, кажется, удивлен. Хотя выражения на всех частицах его лица разные, но в целом все выглядит как удивление. Потом он раздражается смехом.

— Не парься! Просто она при мне никогда не упоминала, что у нее есть братик. Но тут и цвет кожи, и рождение на стороне Полдня, и прочее... Ну, прочего ничего. Все сошлось.

— Она никогда не говорила обо мне?

Жоэль искоса зыркает на меня.

— В общем, учти, что мы с ней вовсе не дружим. А кстати, что ты вообще тут делаешь? Сегодня ведь день для первого курса!

— Я знаю, но меня оставили на второй год.

Меня это не удивляет. Полночные школы практикуют очень, очень строгий отбор. Цифры процентов я позабыл, да и вряд ли все то, что долго вколачивала в мою голову мать, старательно доводя меня до стресса, было правдой; но многие из рекомендованных учеников остаются на повторный курс. Пройти всю школьную программу за три года — это дело для гения.

Тут уж можно не сомневаться, Сюэль с этим справится играючи. В Академии уже, наверное, стелют свежие простыни в ее будущей комнате. Но Жоэль, похоже, немного расстроился, и он сразу становится мне симпатичен.

— Не повезло, верно? — наугад спрашиваю я.

Жоэль смеется и внимательно смотрит на меня.

— Ты в каком классе будешь?

Я могу не заглядывать в листок, который мне прислали вместе с перечнем необходимых для учебы материалов.

— В первом «Б».

— Ух ты! Супер! Мы тоже там!

«Мы»?

Как-то само собой получилось, что я пробрался сквозь толпу, следуя в кильватере за Жоэлем, и так мы добрались до совершенно восхитительного клуатра. Длинные галереи, окаймленные готическими колоннами, посредине — квадрат симпатичной зеленой травки и журчащий фонтан. Прекрасное тенистое местечко, это меня радует, хоть я и не намерен покидать свою комнату без вуали.

Жоэль подошел к группе учеников, и я вдруг почувствовал себя крошечным и жутко беззащитным.

— Народ, — обратился к ним Жоэль, — представляю вам... Э, черт, как тебя вообще зовут?

Все взгляды устремляются на меня. Рот мой наполняется слюной, но я не в силах ее проглотить.

— Симеон. Симеон Сен-Поль.

— Привет, Симеон Сен-Поль, — восклицает Жоэль и пожимает мне руку. — Вот это — Колен.

Он подталкивает меня к ученику такой прекрасной наружности, что я на несколько секунд слепну, будто глянул прямо на солнце. Волосы у него светло-розовые, длинные пряди завиты наподобие язычков пламени. Кожа золотистая, словно блестит изнутри, глаза мерцают цветом морской волны, зубы блестят, как перламутр, и все лицо идеально пропорционально. Форменный школьный блейзер, который

шьют только четырех стандартных размеров (ага, у меня 50), сидит на его образцовой фигуре словно сшитый на заказ. В общем, если коротко: я хочу быть таким же, как он.

— Привет, Симеон, — снисходит до меня божок. — Вампир?

Я киваю. Нетрудно догадаться, учитывая отброшенную на шляпу вуаль, которая свешивается мне на спину наподобие небрежно накинутого плаща. Я украдкой смотрю на значок у Колена на груди. Он — сирена, ну то есть сирен? Черт, что-то я засомневался, как правильно сказать.

— Ну, с нею ты уже знаком.

Теперь Жоэль подталкивает меня к Самии, и я с подчеркнутой учтивостью склоняю голову. Руки у нее похожи на птичьи лапы с когтями, и пожимать их, по-моему, излишне.

— Этот мир такой чудной, — буркает она, пошевелив локтями. — Никак не привыкну к этому телу, это меня нервирует.

Красавчик одаряет ее ослепительной улыбкой:

— Однако оно тебе идет.

— Не заводись, — предупреждает она Колена и вздыхает. — Но меня на самом деле достает, что нас заставили приехать сюда учиться. Насколько было бы лучше остаться на стороне Полночи...

— Само собой, — вздыхает Жоэль. — Было бы рациональнее оставить нас в исходных формах. Тогда вместо дортуаров устроили бы отличный зверинец.

— Ага, — проворчала девочка, которую я не сразу заметил: она пряталась за Самией. — Легко тебе так говорить. Ты не рискуешь умереть, просто открыв окно.

Я почувствовал неловкость, потому что и не глядя на значок понял: она вампирка. Нечто в ее взгляде, холодно-ватом, даже жестком, и скульптурное совершенство лица создают сходство с моей матерью. Ничего общего с сияющей красотой Колена.

— Ноэми, — представляется она и пожимает мне руку. — Как оно тебе, с вуалью?

Я вижу, что у нее вуали нет, и чувствую себя немного трусом.

— Без сомнения, она весьма эффективна, если учесть, что Симеон родился здесь, в мире Полдня! — сообщает Жоэль, и не подумав спросить, хочу ли я говорить об этом.

Компания, погружившись в благоговейное молчание, переваривает услышанное.

— Погоди-ка, ты не шутил? — вдруг воскликнула Самия. — А я-то думала, ты это сболтнул, чтобы наш бычок тебя не забодал!

Я покачал головой:

— Нет-нет, не шучу. Я родился здесь.

— Но живешь ты в Полночи, верно? — спросила Ноэми таким тоном, будто нашла ошибку в сложном рассуждении.

Я поморщился.

— Гмм... нет, честно говоря, я на ту сторону и ногой не ступал.

Все уставились на меня округлившимися глазами. Сильно округлившимися, так что я испугался, как бы одно из глазных яблок Жоэля не вывалилось из орбиты, но лич придержал его указательным пальцем; это хоть и противно, но успокаивает, ведь я, конечно же, заорал бы как новорожденный, упади мне под ноги чей-то глаз.

— Вампир?! У полднеников? — продолжает удивляться Ноэми. — Серьезно?

— Класс! — восхищается Колен. — Я знал, что тут будет полно личей и ундин, но еще и вампиры? Респект.

Я принимаю эту дань уважения не без гордости: мою крутость наконец-то оценили.

— Погодите, еще на его сестру полюбуетесь, — посмеивается Жоэль. — Ее прозвали Папессой, такая уж она, прямо ух!

Моя улыбка гаснет. Час славы моей оказался кратким.

К счастью, нашу беседу прервал шум, поднявшийся среди учеников, а за ним прокатилась волна тишины, которая заставила нас замереть. Воздух застыл, и все волоски на моем теле встали дыбом. Меня инстинктивно потянуло удрать подальше.

— Ты ее тоже почувал? — шепчет, склоняясь ко мне, Ноэми.

— Ага...

Мой голос дрожит.

Толпа учеников наконец расступается, чтобы дать пройти новенькой.

Девочку сопровождает блуждающий огонек невиданных размеров, он парит над ее головой, будто раскаленная корона.

Ее кожа так бела, что кажется синеватой.

Седые волнистые волосы, подстриженные под каре, спускаются чуть ниже ушей.

Желтые глаза обведены агрессивно-оранжевой полоской.

Незачем читать нашивку на ее блейзере, мой организм уже и так все понял.

У нас на первом курсе будет учиться волчица-оборотень.

Глава 3

Я не вслушивался в спор учеников, бурливший вокруг меня. Волчица-оборотень. В моем классе. Я чуть не рассмеялся, когда сообразил, что в горах советов, под которыми мать норвила меня похоронить, не было ни малейшего упоминания о наших врагах волчьего рода.

Но это объяснимо: волки-оборотни не посещают Полночных школ. Они отказались поддержать соглашение, подписанное в 197 году (по календарю Полночи), объединившее граждан этой стороны, считающих, что вся молодежь должна получать единое образование.

Соглашение было подписано семьдесят шесть с лишним лет назад. Соответственно, семьдесят шесть лет нога ни одного оборотня не ступала в мир Полдня.

И все же, и все же, вот она, тут.

Я не заметил, как все ученики собрались на залитом солнцем дворе и в примыкающих к нему коридорах; только когда зазвучал мощный голос, отражаясь от стен, я отвлекся от своих мыслей.

— Добро пожаловать в Полночную школу, дорогие учащиеся! Мы счастливы принять вас на первый курс и гордимся тем, что будем способствовать вашему совершенствованию в полночных науках.

Фигура полной женщины, произносящей речь, напоминает восьмерку, но это не смягчает ни жесткости ее взгляда, ни суровых складок в уголках рта. Я сразу понял, что это — ужасная госпожа Персепуа, директриса заведения, о которой Сюзель не раз мне рассказывала. Помешанная на успеваемости, непримиримая поборница дисциплины, жесткая до предела, директриса терроризирует всех, от учеников до профессоров.

Послушать Сюзель, так если бы Персепуа могла, то запретила бы всем дышать в коридорах. Помня об этом, я ловлю каждое слово приветственной речи директрисы:

— Толерантность, сосуществование, понимание и уважение — таковы краеугольные камни нашего образования. Мы надеемся, что вы проявите лучшие качества граждан Полночи и будете всегда стремиться вперед.

— Ну-ну, поглядим, — посмеивается Жоэль, скрестив руки и высоко подняв брови.

— На что? — не понимает Ноэми.

— Толерантность? Сосуществование? Половину прошлого года меня оставляли сидеть после уроков в классе, а все потому, что у меня не было средств купить тауму⁶ для опытов по алхимии!

Самия цокает языком и прожигает Жоэля взглядом:

— Слушай, ты же не станешь нам тут сейчас докучать своими дешевыми теориями, да? Тебя оставили на второй год потому, что ты облажался с учебой, вот и все. Все, кто учился в прошлом году, могут это подтвердить. Прекрати хоть ненадолго корчить из себя жертву, надоело!

— Я из себя корчу жертву? Может, это ты платишь налог на кислород, а не я?

— Бросьте, ребята, — примирительно говорит Ноэми. — Вы уже нас замучили, честное слово.

⁶ Таума (греч. «чудо») — название выдуманного автором магического вещества. Маги, умеющие творить чудеса, — таумурги.

Мы с Коленом не можем не согласиться с ней.

— Таума, — бурчит Жоэль. — Цена выросла втрое с прошлого года. И мне пришлось выбирать, покупать ее, чтобы выживать или чтобы учиться. Я выбрал свою башку.

Дома я уже прочел школьные учебники Сюзель и легко понимаю, что он имеет в виду.

На тауме держится мир Полночи. Эту субстанцию мы используем и в медицинских целях, и для работы нашей техники, а еще для сотворения огоньков или зелий для стимуляции роста волос. Гоблины извлекают и очищают ее, и мир Полночи не смог бы без нее обойтись.

Но таума также определяет сущность населения мира Полночи. У всех разновидностей тамошних существ есть одна общая черта: в наших жилах течет таума. Именно она обуславливает наши врожденные способности. У вампиров, к примеру, их долголетие и силу; у гарпий — оглушительные вопли и стальные перья, у минотавров... ну, их бычьи головы. Некоторым полночникам достается большая доля, чем другим.

Отсюда возвращаемся к личам, у которых несомненно больше всего поводов для жалоб. Ведь лич — это, в общем-то, просто пазл, сложенный из более-менее свежих частей других полночников, и жизнь его поддерживается остатками таумы, сохранившимися в этих частях. Поэтому личи вынуждены регулярно потреблять концентрированную тауму, чтобы продлить жизнь своих лоскутных тел.

В этих условиях повышение стоимости обучения действительно должно сильно их огорчать. Два или три раза я слышал, как моя мать тоже жаловалась на это, но меня вопрос денег никогда всерьез не интересовал. Для нас деньги не проблема.

— Чепуха, — бурчит Самия. — Ты по всей школе расклеил свои памфлеты, обвиняя администрацию в том, что она обирает учеников, а сам со своим дебиллом-кузенном попытался взломать...

— Та-та-та, — перебивает ее Жоэль. — Когда не знаешь всю историю, лучше помолчи!

Самия закатывает глаза и игнорирует его.

Выступление директрисы закончилось внезапно, и нам объявили, что нужно разбиться на маленькие группы, чтобы войти в школу и ознакомиться со зданием. Я не успел задаться вопросом, почему мне хочется остаться с новыми, немного странными, знакомцами: к нам подошел ученик явно постарше нас.

Рослый, даже слишком. Тощий, как гвоздь, кадык выпирает так, что жалко смотреть. Старшеклассник склонился над нами и расплылся в такой улыбке, что его очки поднялись до надбровных дуг.

— Привет, молодежь!

— О нет, — простонал лич. — Только не он...

— Я тоже очень рад тебя видеть, Жоэль. Скажи, сколько еще ты собираешься тянуть с визитом ко мне в бюро?

Жоэль засовывает руки в карманы и пожимает плечами.

— Недолго, если школа не сделает ничего для поддержки самых нуждающихся учеников.

— Ты снова о деньгах?

— Как всегда, — огрызается Жоэль. — Вы завалены подачками родителей, которые боятся, что их отпрысков не допустят в Академию. Не нужно мне рассказывать, что у вас нет фондов, это просто вопрос приоритетов. Меньше расходов на цветочки — больше на учеников; достаточно разумная концепция, мне кажется, разве не так?

В груди моей как будто заворочался тяжелый шар, когда я сообразил, что являюсь отличным примером «отпрысков», упомянутых Жоэлем.

— Твои предложения будут непременно доведены до сведения дирекции, — заверил его долговязый. — Но сейчас не время дискутировать. Итак... Привет всем, меня зовут Огюстен, я учусь на третьем, последнем, курсе и сейчас, если не возражаете, проведу вас по школе. После полудня у вас будет свободное время, чтобы устроиться в дортуарах.

Он привел нас в анфиладу залов первого этажа; и у меня мелькает мысль, что минотавру Креону будет чертовски трудно ориентироваться в этом лабиринте.

Огюстен сообщает, что план галерей и переходов можно получить в бюро администрации. Самия и Жоэль хватаются за головы. Колен говорит мне о способах придать индивидуальность нашим блейзерам. А Ноэми демонстрирует свое презрение, когда вдруг путь нам преграждает стена. Не поймите буквально, вообще-то на ней юбка с блейзером и движется эта стена прямо на нас.

— А, вот и ты! — восклицает Огюстен. — Познакомьтесь, это моя младшая сестра, Прюн.

Младшая сестра?! Да она нависает над его двухметровой фигурой и заметно шире его в плечах. Даже я чувствую себя щедущим пред лицом ее великолепия, скажем так!

Я пытаюсь различить знаки на ее нашивке, но Ноэми опережает меня, вскрикнув:

— Великанша?!

— Полувеликанша, — поправляет ее Огюстен. — Она будет учиться в вашем классе, и я рассчитываю, что вы хорошо ее примете, договорились?

Мы все киваем в унисон. Великаны в общем неопасны, но излишек в размерах и силе иногда их подводит. Великан мог бы, сам того не желая, оторвать вам голову при попытке стряхнуть перхоть с вашего блейзера. Посему я намерен следить за чистотой своих волос.

Прюн, молчащая, как пень, встала позади нас, и мне не удастся даже разглядеть черты ее лица, прикрытого прядями, свисающими до подбородка, потому что она сутулится, несмотря на приличную высоту потолка.

— Ну хорошо, — Огюстен бодро возвращается к теме. — Пойдем дальше?

Чтобы Ноэми не спеклась в первый же день, Огюстен повел нас полутемными коридорами, попросив своего блуждающего огонька осветить их.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие переводчика.....	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	75
Глава 9	82
Глава 10	91
Глава 11	98
Глава 12	106
Глава 13	111
Глава 14	120
Глава 15	129
Глава 16	134
Глава 17	143
Глава 18	150
Глава 19	159
Глава 20	164
Глава 21	171
Глава 22	175

Глава 23	181
Глава 24	188
Глава 25	200
Глава 26	210
Глава 27	218
Глава 28	227
Глава 29	230
Глава 30	241
Глава 31	251
Глава 32	261
Глава 33	265
Глава 34	272
Глава 35	278
Об авторе	286

